
Рина Летова
ХОЛОД

Рина Летова
Холод

https://litres.ru/74989123
SelfPub; 2026

Аннотация

Елена и Евгений Нестеровы - два выдающихся физика, работающих с низкими температурами. Проекты в Германии и Ювяскюля привели их в странный закрытый научный центр крионики, информации о котором практически нет. Выдержит ли их брак проверку холодом?

Содержание

Глава 1. В Дармштадт 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Рина Летова
Холод

Глава 1. В Дармштадт

2012. Февраль. Холод.

Без пятнадцати восемь утра.

Из электрички на станции «Старый Петергоф» вышла хрупкая, почти прозрачная в утреннем сумраке фигурка. Со стороны Елена Кровицкая казалась типичной милой, немного не от мира сего блондинкой, которую февральский ветер того и гляди сдует с перрона. У неё были по-детски мягкие, светлые волосы цвета льна до плеч, которые сейчас выбились из-под тонкой шерстяной шапки и тут же покрылись инеем на кончиках. Но стоило заглянуть ей в лицо, как это впечатление рассеивалось. На бледной, почти не знающей загара коже ярко, неестественно ярко выделялись ледяные синие глаза – цвета жидкого азота. Именно этот взгляд выдавал в ней физика, привыкшего смотреть в бездну абсолютного нуля. Ветер с Финского залива, ледяной и безжалостный, пробирался под воротник пальто, заставляя Елену Николаевну Кровицкую плотнее закутаться в розовый, скатавшийся на боках кашемировый шарф. На правом сапоге предатель-

ски разошлась молния, и внутрь залетали колючие снежинки, но Лена этого почти не замечала — её тело сейчас было слишком занято привычной, тянущей тоской. Февральский Петербург и его окрестности были именно такими, какими их описывали в книгах: величественными и пронизывающе холодными. Снег лежал пышными шапками на ветвях, а на земле – слежавшимся ковром. Лена заметила, что один из фонарей у станции мигает, издавая тихое, раздражающее гудение.

По пути она увидела знакомую девушку с филфака: та куталась в огромный шарф, который то и делал, что сползал, открывая морозу нос. Лена подумала: "Ей двадцать. Она может позволить себе кутаться в шарф и думать о свиданиях. А я в свои двадцать пять думаю о том, достаточно ли сухо откашлялся профессор Сидоренко на предзащите, чтобы понять, что мой график охлаждения – не ошибка". Мороз подгонял толпу. Кто-то впереди громко чихнул, и Лена инстинктивно отшатнулась. В кармане пальто больно упирался в бедро тяжёлый металлический ключ. Она спешила, ведь там, на кафедре, её ждал горячий чай. Сегодня к утреннему столу она несла пирожные, перетянув картонную коробку аптечной резинкой. В лаборантской пахло не только чаем, но и вчерашним пирогом. Кусок яблочной начинки заветрился, а по краям проступила синеватая плесень, которую лаборатка Света срезала тупым ножом. На подоконнике стояла забытая кружка с липким налётом внутри. На ней был рису-

нок – котик в ушанке с термометром. «Если бы у меня был такой термометр, он бы давно лопнул. Внутри всё кипит, а снаружи я должна держать лицо, ровную спину и обсуждать уравнение Ван-дер-Ваальса» - подумала с грустью Лена. Девочки-лаборантки в засаленных фартуках поздравляли её с триумфом, ведь неделю назад Лена, аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, защитила кандидатскую диссертацию на кафедре физики низких температур.

Защита прошла блестяще. Даже седовласые профессора одобрительно кивали. Её научный руководитель, Нестеров Евгений Александрович, смотрел на неё с гордостью и неподдельной радостью, что у Лены на мгновение перехватило дыхание.

Евгений Александрович… Для всего факультета он был молодым гением. Для неё он был тем, кто мог часами объяснять тонкости термодинамики, а потом вдруг принести в лабораторию горячий кофе и булочку. "Он помнит, что я не обедала. Он замечает, что у меня пересыхают губы от волнения перед докладом. Никто, никто за три года не замечал этого, кроме него. Это не может быть просто вежливостью" – слепая надежда снова саднила её сердце. Его спокойный, глубокий голос мог успокоить любую панику. И взгляд его серых глаз… Лена гнала от себя эти мысли, пряча их за формулами. "Формулы – моя броня. Если я буду думать только о криостатах, я не сорвусь. Я не напишу ему глупое письмо

в два часа ночи. Я не признаюсь" – понимая, что сдерживать свои эмоции становится всё труднее. Он — доктор наук, она — его аспирантка. Между ними была дистанция, которую она не смела нарушать.

Все девчонки на её потоке на его лекциях вздыхали. "Дуры. Они вздыхают, потому что он красивый. А я цепенею, потому что он однажды сказал, что у меня "интуитивное понимание второго начала термодинамики", и я потом неделю не могла спать, прокручивая эту фразу. Он видит мой мозг. А я хочу, чтобы он увидел меня" – понимая, что она такая же дура, которая просто хотела быть любимой и счастливой. Но он никогда не давал повода.

Сегодня он позвал Елену в свой кабинет: "Лена, зайди после пар, есть серьёзный разговор". Это "Лена", а не "Елена Николаевна", заставило её сердце на мгновение остановиться. "Лена. Он никогда не зовет меня так. Только когда мы одни в лаборатории, и он злится на шум вакуумного насоса. Что это значит? Увольнение? Или…" – Кровь отхлынула от лица, а потом ударила в виски с такой силой, что зазвенело в ушах.

Она постучала в знакомую дверь с золотистой табличкой «Нестеров Е.А. д.ф.-м.н.».

– Да, входите!

Евгений стоял у окна, глядя на заснеженный двор. За окном ветка старой липы, покрытая инеем, напоминала хрупкую ледяную скульптуру. На столе среди бумаг лежал старый

калькулятор. «Он всегда нервно стучит по запавшей кнопке, когда ждет моих расчетов. Нет. Не думай об этом. Соберись». На одной из полок стояла фигурка Эйнштейна. Она вечно падала. А Евгений Александрович с нескрываемым раздражением ставил её обратно.

Наконец, она посмотрела на него... Высокий, статный, с тёмными вьющимися волосами. Его лицо всегда было чисто выбрито, а очки в тонкой оправе добавляли солидности. Серый шерстяной свитер с высоким горлом подчеркивал его глаза... Он обернулся, и его обычно серьёзное лицо озарила тёплая улыбка.

– Лена, проходи, садись. Поздравляю ещё раз. Это была не просто защита, это был фурор.

– Спасибо, Евгений Александрович. Это и Ваша заслуга, без Вас бы ничего не получилось.

– Получилось бы, – мягко возразил он. – Талант, как давление в криостате, всё равно найдёт выход. Я лишь помог направить его в нужное русло.

Он сел в кресло напротив, и на мгновение воцарилась тишина, наполненная лишь тихим гулом компьютера.

– Лена, я позвал тебя не только для поздравлений. Есть новости. Помнишь, мы отправляли твои чертежи и расчёты коллегам в Дармштадт?

Лена кивнула, затаив дыхание.

– Так вот. Они не стали ждать. Они уже собрали прототип твоей установки. И он работает. Предварительные тесты по-

казывают производительность даже выше, чем в наших расчётах.

– Они приглашают нас, – продолжил Евгений, внимательно глядя на неё. – Для проведения полномасштабных испытаний. Через месяц. Мы уезжаем в Дармштадт.

– Я… я не знаю, что сказать… Это невероятно! – прошептала она.

– Я знаю. Готовься, работы будет много. Но это шанс, который выпадает раз в жизни.

Он помолчал, а потом его взгляд изменился. "Вот оно. Сейчас. Вентилятор компьютера гудит как-то иначе. Воздух сгустился. Не смотри на его губы. Не смотри. Посмотри на график на стене. График не предаст".

Он сел напротив, и тишина повисла над столом. Компьютер тихо жужжал.

– Лена… есть еще кое-что, – начал он тише обычного. Его очки слегка запотели от дыхания, и он машинально протёр их платком. Профессиональная отстраненность исчезла, уступая место чему-то другому.

Сердце Елены пропустило удар. "Запотели. От дыхания. Он нервничает. Он не дышал так, даже когда я путалась в докладе перед советом". Она знала этот взгляд. Тот самый, который он бросал на сложные уравнения, когда находил решение. Только сейчас он смотрел не на формулу, а на неё.

– Все эти годы мы работали вместе, – продолжил он, нервно поправляя воротник свитера. – Ты выросла из студентки в

настоящего ученого. Но я давно перестал видеть в тебе только аспиранта.

Елена сглотнула комок в горле. Ей хотелось убежать, спрятаться за формулами, но его пальцы уже коснулись её руки. Они были тёплыми и сухими.

– Посмотри на меня, – сказал он мягко, но настойчиво.

Она подняла глаза. Серые. Как расплавленный свинец. Как грозовое небо над Финским заливом. И в этот момент мир вокруг перестал существовать. В его глазах больше не было дистанции. Только нежность.

– Я понимаю, что всё это время я был твоим научным руководителем, и это накладывало определённые рамки. Но теперь твоя диссертация защищена. Ты – кандидат наук, мой коллега. И я могу, наконец, сказать то, о чём молчал так долго. Ты мне очень нравишься, Лена. Больше, чем просто коллега. Я хочу, чтобы эта поездка в Дармштадт стала началом не только нашего совместного научного проекта, но и чего-то большего. Я хочу предложить тебе быть вместе. По-настоящему.

"Не дышать. Если я вдохну, я закричу. Три года. Три года бессонных ночей, обожжённых жидким азотом пальцев, истерик над осциллографом. Всё это было ради вот этой секунды. Ради этого "быть вместе". Господи, он всё это время знал. Он тоже прятался за формулами" - кричала внутри себя Лена, не веря, что тот самый молодой доктор, в которого она уже давно влюблена, пытается сказать ей о своих чувствах.

Холодный февральский ветер всё так же завывал за окном, но Лена его больше не слышала. Весь мир сузился до этого кабинета, до тепла его руки. «Его рука. Моя рука. Они настоящие. Пальцы не дрожат. Впервые за три года мои руки не дрожат».

Она не смогла произнести ни слова, лишь счастливо улыбнулась и чуть крепче сжала его пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.